

Анна Денира

ИМПЕРИЯ СТАТУЙ

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Д33

Д33 **Денира А.**
Империя статуй / Анна Денира – М.: Литнет, 2026. – 250 с.

ISBN 978-5-521-94929-8

Для нагов Горгона – воплощение проклятия и напоминание об алчности, для людей – олицетворение ужаса и жуткого кошмара. Это монстр, приговаривающий к каменной смерти, и настоящее чудовище, обреченное сидеть в горах подобно дикому страшному зверю. Судьба готовила для меня очевидный исход, однако, сделка с Королем полностью изменила мою жизнь, подарив шанс на драгоценную месть. Я покинула ненавистные земли, но тут же оказалась в западне, выбраться из которой предстояло заговорами, манипулированием и замужеством. Путь к счастью оказался долгим и тернистым, но это история о том, как монстр, уставший от гонений, водрузил на свою голову корону в окружении замерших навеки врагов.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94929-8

© Литнет, 2026
© А. Денира, 2026

Пролог

*Ты будешь жить, а я умру.
Однажды рано поутру
Войдешь в пустой холодный дом.
И сядешь прямо под окном.
Не проклинай, прошу, судьбу,
Ты будешь жить, а я умру.*

Отрывок из песни «Дочь пахаря»

Я хорошо помню своё детство.

Это была позабытая всеми деревенька, окруженная бесконечными пашнями, расплывающимися на горизонте под палящим солнцем. Сорок старых изб жались друг к другу, клонясь к земле, и единственный колодец посреди вытоптанной площади знаменовал собою центр с тремя лавками, одну из которых вскоре пустили на дрова. Земля не была плодородной, и урожай обычно выходил скудным – его едва хватало, а потому пашни с каждым годом становились лишь больше. Они тянулись к небольшому лесу, что спасал всех от холода в жестокую зиму, наполняя поленницы до верхов, и не было задачи важнее, чем подкидывать дрова в старую печку, чтобы не замерзнуть в ветхой избе.

Мы всегда жили бедно, и грязная рубашка, купленная на вырост, служила мне платьем до пяти лет, пока не стала совсем уж мала. Вместе с другими деревенскими детьми я бегала босиком по только скошенной траве, купалась в мелкой речке, ниже по течению которой стирали белье, и играла в лесу, не боясь заблудиться. У меня было крепкое здоровье, и болела я редко, но болезни, приходящие с холодами, забирали с собой маленьких детей, и едва снег таял, на кладбище в восточной части деревушки появлялось несколько новых надгробий.

Порою к нам приезжали извозчики из городов неподалеку: они навещали старых родителей и привозили с собой множество удивительных вещей, которые иногда доставались и нам. Мне очень нравился сахар и красивые ленты, которыми молодые девушки повязывали свои густые волосы, а деревянные игрушки, возглавляя вереницу маленьких мечтаний, вызывали неподдельный восторг, стоило пальцам коснуться шероховатой поверхности. От извозчиков всегда пахло дешевым табаком, и этот запах, смешиваясь с ароматом только испеченной выпечки, навсегда отпечатался в сознании как нечто удивительное и долгожданное.

У меня не было питомцев – животные боялись одной моей тени, а папа не разрешал с ними играть – но рядом с нашим домом всегда водились милые ужи, что беззастенчиво проникали в дом, сворачиваясь калачиком под лавкой. Они были словно коты, лапаясь к рукам, и вскоре поели всех мышей, что скреблись по углам, заслужив право спать под лавочкой и дальше. Мы не разводили курочек, но сердобольные соседки всегда делились свежими яйцами, и порой отцу приносили кувшин молока, который мы пили вместе с медом. К сожалению, от голода единственную корову в деревне пришлось зарезать, и с тех пор я больше никогда молоко не пила.

В избушке мы всегда жили вдвоем – я и мой папа. Он был очень высоким и крепким мужчиной, чьи грубые и шершавые ладони казались мне самыми ласковыми на свете. Я совсем не походила на него внешне, и была, по словам отца, копией мамы, которую никогда не видела. Папа всегда много трудился, днями пропадая в полях, а я старалась порадовать его хотя бы вымытым полом да нарезанным салатом, что представлялся мне вершиной кулинарного искусства. Вечерами мы сидели за столом и вместе читали единственную сказку про заточенную в башне принцессу, а после засыпали под тонким пледом, слушая громкий стрекот цикад.

Когда мне миновало десять зим, соседи стали думать, будто бы на меня наложена порча – карие глаза всего за год посветлели, став

цветом походить на золото, – и отец, испугавшись разительных перемен, убедил меня не покидать дом без надобности. Он рассказал мне историю моего рождения и поведал о матери, что была нагиней, последовавшей за мужем в чужую страну. Приняв человеческий облик, она прожила с папой долгие и счастливые шесть лет, после чего, разродившись, не сумела скрыть истинный вид. Люди – злой народ, народ жестокий и эгоистичный, придающий своему существованию высшую ценность. Они издавна вели войны с нагами, а стоило вражде завершиться перемирием, устремили свои суеверия в холодную ненависть, считая змеевидную расу порождением тьмы.

Я никогда не видела маму, потому что её сожгли на костре. Прибыв из поездки, отец выкрал меня и сбежал в далекую глушь, но не было в Королевстве места, где не владели умами суеверия и предрассудки. Люди боялись нагов, а змеи считали человеческую расу трусливой и глупой, однако, мое рождение не было событием исключительным, ведь подобные союзы, какой создали мои мама и папа, всегда имели место быть, несмотря на многочисленные преграды. История сводилась к моей крови, но не открывала ответов на все вопросы, а ворошить прошлое отца, принося ему глубокую боль, я не желала. И все же он первый заговорил о моих глазах, что светлели с каждым днем, вспоминая о том, что у мамы они были голубыми.

Спустя ещё один год, мои пшеничные волосы выпвели, став белоснежными. Круглый зрачок чуть вытянулся, но сильно сужался, стоило яркому свету фонаря коснуться лица, потому на улицу я выходила только утром, повязав голову косынкой. Селяне относились ко мне настороженно, но благосклонно, ведь я росла на их глазах и была воспитана ребенком вежливым и добродушным, но в разговоре с ними мне приходилось сильно жмуриться, дабы те не рассматривали странные глаза. Я чувствовала себя странно. Поработав над грядками, я возвращалась в дом, где растирала отекавшие ноги,

ходить на которых становилось все труднее, но прежде прогоняла из дома ужей, что, размножившись, устилали пол подобно ковру.

Я не была человеком, и папа это знал, но даже так происходившие метаморфозы беспокоили его – он говорил, что, пребывая в Империи нагов, никогда не видел змея с белыми волосами и златыми глазами. Будучи человеком образованным и сообразительным, отец посчитал это мутацией, и, когда на тринадцатый день рождения я проснулась с белым хвостом, он всерьез задумался над тем, чтобы переехать в уединенную хижину подальше от людских глаз. С тех пор я из дома более не выходила, учась превращать хвост в ноги, но как же удобно было ползать! Чешуйки отливали золотом, красиво переливаясь в солнечных лучах, что проникали в комнату сквозь грязные стекла, и я более не чувствовала тяжести. Никогда прежде не была я такой быстрой...

Но переехать мы не успели.

Я с содроганием вспоминаю собранные в углу мешки, проклиная себя за то, что решилась выйти на луг в тот день. Легкий ветер шевелил полевые цветы, и девушки плели из них венки, поглядывая в сторону леса, где юноши устроили охоту, взяв с собой собак. Время шло к полудню, и селяне цепочкой возвращались с пашен, чтобы пообедать. Смастерив и себе украшение из цветов, я поднялась на ноги, чтобы вернуться домой, но большая собака, выскочив из леса, бросилась на меня с громким лаем и яростью, с какой ещё недавно преследовала дичь. Девушки закричали, я сильно испугалась раскрытой пасти и залитых кровью глаз, а после ослепла от яркой вспышки.

Моей первой жертвой была соседская собака по кличке Оти.

Превратившись в прыжке в камень, она рухнула на землю, разбившись на крупные валуны, и эта груда камней, преградившая узкую тропу, положила начало череде трагических событий, что сделали из меня существо, заслуживающее громогласного статуса. Мы тотчас же покинули деревню. Отец не ругал меня, но взгляд его,

обычно ласковый и внимательный, стал печальным и сострадающим. Он крепко держал меня за руку, пробираясь сквозь плотные заросли, но, придя к хижине, папа вдруг подхватил вещи и продолжил путь. Миновав лес, мы вышли к большой деревне, представившись путешественниками, и, взяв лошадей на все имеющиеся средства, отправились на Север Королевства Солэй, к высоким горам, которые я когда-то мечтала увидеть.

Моя лошадь громко ржала, боясь везти седока, источающего угрозу, и мне приходилось сильно бить её хлыстом. Города мелькали друг за другом в мерцании теплых огней, и высокие дома, покрытые плющом, завораживали взгляд, как привлекали его пышные платья ухоженных дам и черные экипажи, расписанные золотом. Это был другой мир, не ведомый детям, выросшим в сельской глуши, но позволить себе обычную прогулку было невозможно – останавливаясь в тавернах, чтобы переночевать, мы гнали лошадей во весь опор. Нас настигли у подножия горы.

Горгона – чудовище со смертоносным взглядом, воплотившийся в жизнь страх, одно упоминание которого наводит на людей ужас. Монстр, стоящий наравне с вымирающими драконами и спрятавшимися в пещерах минотаврами, дьявольское отродье, за голову которого предлагают столько злата, что и представить невозможно. Горгона рождается раз в пятьсот лет и умирает, стоит людям собрать войско и найти алмазный меч, лишаящий чудовище возможности регенерировать. Отец рассказывал мне об этом, вытирая слезы, и, обнимая, просил выжить, во что бы то ни стало. Услышав ржание лошадей и лай собак, узнав в одеянии всадников рыцарей Королевства, папа соорудил на второй лошади из мешков подобие человеческой фигуры и, вскочив на коня, приказал мне бежать в горы.

Я скрылась от преследования. Но прежде, чем спрятаться в пещерах, видела, как рыцари, поведясь на приманку, настигли отца и безжалостно убили его, обнаружив обман. Слезы долго душили меня ночами. Мне снился отец, и я винила себя в том, что оба моих родите-

ля отдали за чудовищное дитя свои жизни, и, будучи непривычной к одиночеству, страдала изо дня в день, чувствуя, что вот-вот могу сойти с ума. Иллюзии нещадно цеплялись за разум, голод терзал тело, а мысли – душу. Я питалась ягодами и разговаривала со змеями, пила из горных источников и ночевала в холодных ущельях, обвив себя собственным хвостом. Меня преследовали пять лет, в течение которых я переползала с места на место, пока не достигла гор Айварс.

Вырезанный в скале храм стал моим временным пристанищем, а после домом, в котором я провела ещё четыре зимы. Сердце черствело с каждым годом, и наверняка я могла бы одичать, став зверем, если бы не провела тринадцать лет среди людей. Мне было одиноко, но и это чувство покинуло душу, ведь монахи, вспомнившие о храме и встретившие там Горгону, бросали в меня соль и брызгали освященной водой, даже не собираясь выслушать. К сожалению, тогда я встала перед жестоким выбором: если бы я отпустила этих людей обратно, они позвали бы на помощь рыцарей, но оставь я их в святилище навеки, о них вспомнили бы гораздо позднее...

Моей второй жертвой были десять монахов.

Их каменные фигуры, замершие на ступенях с испуганными лицами, я не смогла разбить – они стали неким предупреждением любому, кто решил бы пройти дальше, – и, когда мне минуло тридцать зим, репутация Горгоны, осевшей в горах Айварс, была известна всему Королевству. Я ждала появления рыцарей, и, научившись к тому моменту повелевать змеями, ждала их отряда, которого все не было. Время шло, и я посчитала, что люди не нашли алмазный меч, – терять важные артефакты было им свойственно – но тишина храма давила своей мрачностью.

Моей третьей жертвой стал рыцарь.

Прибыв в храм, очевидно, в попытках прославить имя и озолотить род он навеки замер среди колонн с поднятым вверх мечом. Его коня укусила одна из ядовитых змей, и я, мучаясь длитель-

ным голодом, позволила себе съесть пожаренное на костре мясо. После этого случая в моей жизни вновь воцарилась тишина. Все чаще я впадала в спячки, чтобы не терзать себя размышлениями, и, поняв, спустя ещё десять лет, что не старею, окончательно решила выждать несколько десятилетий, чтобы после принять человеческий облик и попытаться сбежать в Империю нагов, где, как мне казалось, я смогу жить свободно.

А после все планы пошли змее под хвост...

Он зашел один, старательно размахивая белым флагом и опасливо косясь на каменные статуи, коих было, по моему разумению, не так уж много. Его светлые волнистые волосы обрамляли миловидное лицо, показавшееся мне излишне правильным, почти женственным, и тонкие руки, сильно сжимавшие рукоять флага, чуть дрожали, словно бы сейчас он нес не знамение переговоров, а остро заточенный меч. Скрывшись за одной из колонн, я рассматривала дорогие одежды, от которых веяло приятным сладким запахом, и лакированную обувь, вычищенную до блеска. Тонкие пальцы украшали массивные перстни, драгоценные камни в которых были мне неизвестны – я мало читала и знала о мире только то, что успел поведать отец, – но даже так было нетрудно догадаться о том, что юноша является выходцем аристократической касты.

Его появление в храме не пробуждало в голове светлые надежды. Храбрость, с которой богатый юноша посмел ступить на территорию змей, не импонировала, наоборот, она пробуждала подозрения, мрачные мысли, твердящие об уготовленной ловушке. Повинуясь любопытству, я могла бы выскользнуть из укрытия, завязать разговор с человеком впервые за двадцать или тридцать лет, после чего отряд, окружив меня со всех сторон, нанес бы сокрушительный удар, лишив жизни, которую мне наказал беречь отец. Мысленно я обратилась к змеям, что кружили по ступеням, осматривая окрестности, и каково же было мое удивление, когда я узнала, что юноша прибыл к храму с единственным стражником и старцем в мантии.

Он остановился посреди огромного зала, заполненного лишь мраморными колоннами да статуей рыцаря, а после, прочистив горло, громко произнес:

— Я пришел с миром!

Его звонкий голос эхом пронесся по храму, вызывая в теле дрожь, и несколько змей, привыкших к безупречной тишине, устремились от колонн к огромной арке, ведущей на улицу. Он боялся, и страх, который я видела во всем, что смотрело мне в глаза, кусал его дрожащие колени, потом стекал по виску, падая на шелковую рубашку. Быть может, будет правильным прятаться и дальше? Нет ничего плохого в том, чтобы меня посчитали сбежавшей из храма, однако, это может вызвать панику среди людей, и те примутся искать меня с особым рвением. Зная, что я безвылазно пребываю в горах Айварс, они наивно полагали, что держат ситуацию под контролем.

— Я безоружен! — вновь громко произнес юноша, и я уже знала, что это было правдой. Несколько опрометчиво с его стороны, но, признаться честно, подобное безрассудство подкупало, ведь я могла быть уверена в том, что на меня не нападут с ножом. Выждав ещё минуту, я высунула из-за колонны свою человеческую часть, убирая прядь волос, падавших к самой земле, за ухо.

Увидев меня, юноша замер, выронив из рук флаг, древко которого громко ударилось о пол. Его и без того бледное лицо, побледнело ещё больше, когда я выползла чуть дальше, и он не произнес ни слова, беззвучно шлепая губами. Юноша не двигался, как не шевелилась и я, терпя испуганный ошарашенный взгляд. Во мне билось такое же сердце, как у него самого, но ни сейчас, ни позднее прибывший гость не сможет этого осознать. Для него я — не человек, а остальное не так уж важно...

— Вам хватило смелости зайти, но не хватает храбрости заговорить? — произнесла я, наконец, и юноша, сделав шаг назад, медленно выставил перед собой руки.

— Н-н-не обращайтесь меня в-в-в... камень...